

НА ОЗЕРЕ

Нигде так не чувствуется пробуждение природы от зимней спячки, как весной на озере. Многоголосые концерты лягушек, звонкие пересвистывания всякой живности, гул и шепот воды, тысячи букашек бегающих, плавающих, ныряющих – все создает прекрасную симфонию весны.

Изумительные пейзажи, один красивее другого, раскрываются перед охотником на утренних и вечерних зорьках на воде. То тишина и покой зеркальной глади, то появится крупная рябь, разыгравшаяся на озере с помощью ветра.

Сколько прелести в опускающемся солнце, когда возле вашего скрад-ка плавают манчуки, а красавец селезень, одетый в весеннее оперение, кругами летает над ними, глухо по-утиному вскрикивая, опускаясь все ниже и ниже к притягивающей к себе искусственной уточке. Ты манком подражаешь призывам кряквы, ждешь. Но что-то вспугнуло его, и он улетает.

Уже почти погасла заря, и лишь между набежавшей тучей и горизонтом догорает узенькая розовая полоска. Вот новый первый табунок уток, вновь, сначала осторожно, вглядываясь в подсадных, опять кружит над ними. Затем одна – отчаянная пикирует на воду. За ней, осмелев, остальные. Слышится плескание, щелкотание птиц. Тут тебя уже полностью охватила нервная дрожь. Ты торопишься взять в прицел силуэт селезня, нажимаешь на курок и видишь, как падает в воду птица.

...Над озером стоит туман. На костре в чёрном как смоль чугушке томится варево. Кажется, что весь воздух пронизан запахом от варёно-тушёной утятин, а вскоре после ужина и внутреннее тепло мерно растекается по всему телу.

Лежу у кострища и в который раз слушаю нескончаемый очередной рассказ товарища об охоте на уток, их привычках. Мне кажется, что в его байках каждое слово правда, хотя умом понимаю, что старый охотник привирает нещадно.

Я прощаю ему эту слабость, потому что знаю: охота – его страсть.

«НАРКОМАН» В ЛЕСУ

На очередное весеннее открытие сезона охоты местный охотовед пригласил нас (меня и Григорича) как общественников, в рейд.

– Охота начинается с утренней зорьки. Мы с вечера проверим, не нарушает ли кто правила, все ли в порядке у охотников с боеприпасами, ружьями, путевками. А поутру сами посидим в скрадке.

Уговаривать нас не пришлось. Собрались быстро. Сели в служебный ГАЗ-66 и через два часа были уже на месте назначения – озере Окуневом. Машину оставили в километре, чтобы не светиться перед любителями весенней охоты. До общего бивака охотников добирались пешком.

Не успели выйти на дорогу, проходящую через лес, как северная погода показала свой непредсказуемый нрав: началась гроза. Вначале появились всполохи далеких молний. Затем поднялся ветер, набежали тучи, раздались раскаты грома. Сосны загудели, замахали своими хвойными лапами, как будто собрались куда-то улететь. С крон летели сучья и хвоя, раздавался треск сломанных веток.

В лесу стало сразу страшновато и неудобно, но когда дорога вышла из леса на небольшое открытое место перед биваком, неприветливый лес показался надежным укрытием. Кругом грохотало, между ударами молний глаза не успевали привыкнуть к темноте, как следовали новые вспышки. Наконец гроза ушла в сторону.

Отдышавшись, тихо расположились на небольшой проталине, с которой хорошо было видно место общего сбора охотников. Они сидели вокруг костра и громко беседовали, подогретые горячительными напитками. В бинокль охотоведа было видно, что ружья у всех в порядке: в чехлах.

Вроде бы все в норме. Ан нет! Один из сидящих зачем-то направился к озеру. Тихо следуем за ним. Мужик подошел к кромке воды, присел на корточки, приложил ладони ко рту и... закричал. В ответ раздался призывной ответ утки. Охотник тут же полез в куст ивняка и... достал оттуда фляжку, налил содержимое в небольшой стаканчик, выпил и сам себе сказал:

– Ну вот и сподобился! Первая добыча есть!

Мы, давась от смеха, крутим пальцем у виска. Между тем через пару минут мужик опять присел и повторил весь свой ритуал. На этот раз, по его словам, он грохнул свизья! Не выдержав такого представления, подходим к нему:

– Ты чего это импровизируешь? Дождись утренней зорьки и стреляй по-настоящему сколько хочешь.

– Сил нет ждать утра, руки чешутся. Охота на утку – это же как наркотик: если дозу не примешь, ломка начнется!

Проверив на всякий случай документы на право участвовать в открытии охоты, пошли пить чай и отдыхать.

Когда забрезжил рассвет, товарищ растолкал меня, и мы отправились в заранее примеченный скрадок.

...Сколько раз я бывал на утиных охотах! Не сосчитать! Уже много раз видел, как плотнеет и плотнеет предрассветный туман, как влажной паутиной садится он на лицо, на стволы ружья, которые словно седеют. Понемногу начинает развидняться. Небывалая тишина заполняет пространство – небольшое озеро, застывшие кусты ивы, невидимый пока лес на далеком берегу.

И вот он, еле слышный посвист утиных крыльев! Ты вглядываешься туда, откуда они должны появиться, и утренняя дрожь то ли от холода, то ли нервная заставляет тебя приоткрыть рот, чтобы лучше слышать этот посвист, один из лучших для охотника звуков. Утки врываются к тебе из серого пространства навстречу стволам твоего ружья, которые словно сами ищут то, на что должны быть нацелены!

И удары выстрелов! И падение добычи на воду! Только затихающее эхо перекачивается, замолкая, среди далеких прибрежных перелесков. И опять тишина весеннего утра!

Вдалеке от нас виднеется еще один скрадок. Шалаш, покрытый лапником сосны и ели, стоит на кромке озера. Хотя расстояние между

нами приличное, но все, что происходит у соседа, видно прекрасно. Вот очередной промах! На этот раз попал! Вот охотник вышел из укрытия, идет за сбитой уткой. Налетели чирки. Выстрел! Утка падает в воду недалеко от него. Достал. Едва сосед занимает свое привычное место, как новая стая крякшей опускается на воду. И хозяин скрадка, несмотря на достаточно почтенный возраст, с юношеским задором вновь стреляет по дичи...

Тут и рядом со мной со свистом приземлилась стайка чернети. Стреляю дулетом. Увы, промах. Утренняя зорька продолжается...

ПУСТЫЕ СТРАХИ

Август. Лесное озеро окутано туманом. Рыба не ловится. Мы лежим с напарником у костра и лениво пьем чай, приготовленный из целебных кореньев и листьев. В траве окрест слышится писк и шуршание полевок, крики ночных птиц. Мягко шумит листва берез и ивняка. Величаво кряхтит кедр. Ему вторит хмурая ель и деловая сосна.

Неожиданно идиллию нарушает треск валежника. Вроде кто-то подбирается к нам. Но это иллюзия. Никого рядом быть не может. Умом понимаю это, однако успокоиться не могу.

– Дед, по-моему, кто-то рядом ходит, не слышишь?

Тот прислушивается, затем заявляет:

– Пустое. Кто тут может быть?

– Может, медведь? Мужики рассказывали, что он где-то в этих местах бродит.

Напарник молчит. Я постепенно успокаиваюсь, но в душе тревога не проходит. Ружья-то с собой не взяли – сезон охоты еще не открыт.

– Надо построить здесь избушку, – старый товарищ ставит котелок на огонь, – негоже в палатке круглый год обитать. Во-первых, не надо постоянно таскать лишнюю тяжесть с собой, во-вторых, в избушке в любое время года теплее и спокойнее.

Я согласно киваю головой. Мне лень вступать в дискуссию с дедом: если поддержку разговор – не закончится до утра. Такова уж характерная черта друга. Любит поговорить всласть по любому поводу.

– Давай подискутируем по поводу скептицизма древних греков, – улыбается тот.

Мне лень отвечать на шутку, и я молчу.

Подбросив в костер дров, товарищ прислушивается.

– А ты прав, медведь, однако, бродит рядом. Запах, видимо, наш его привлекает, – после этих слов дед завернулся в дождевик и через минуту захрапел.

Меня охватывает беспокойство. Достая из чехла охотничий нож. Но к костру никто не подходит. Тут усталость берет свое: засыпаю с ножом в руках. Но уже через минуту встаю и подбрасываю в костер сухие дрова, заранее приготовленные на ночь. Огонь вспыхивает с новой силой, освещающая кромку леса. Снова укладываюсь за спиной товарища. Сморяю то на огонь, то на лес, пока не начинает светать.

Утром прохладно. Встаю, кипячу чай. Специально шумлю, чтобы проснулся дед. Храп прекращается, и через минуту раздается его ехидный голос:

– А ты не спал, однако? Все хозяина ждал? Напрасно. Он в это время ленивый, не нужны мы ему.

– Так ты специально про медведя мне наговорил? Испугать решил?

– Конечно. А то вишь, разговаривать ему со мной не захотелось...

...Обиду на кореша держал неделю, до следующих выходных, пока опять не собрались в лес.

Зимовье построили к холодам. Когда приходилось в нем отдыхать, напарник ехидно рассказывал товарищам, как до икоты меня напугал.

ТИХАЯ ОХОТА

В наших краях сбор белых грибов происходит в два этапа: в конце июня и в августе-сентябре. Люди на тихую охоту отправляются обычно осенью, в разгар бабьего лета: гнуса в тайге уже нет, еще тепло и сухо. Вот в один из таких дней мы отправились на беломошник (так называют олений мох – ягель) за боровиками. Тем более нас пригласили знакомые, имеющие в личном пользовании вездеход-вахтовку на базе автомашины «Урал».

Народу собралось много: родственники, друзья родственников, друзья друзей... В общем, полный салон. С шумом и гамом мы погрузились в автотранспорт и через пару часов были на искомом месте – беломошнике, который серел нескончаемым бором.

Солнце только-только заскользило по верхушкам деревьев. Роса крупными каплями свисала с листьев брусничника, и в них оно отражалось мелкими искорками. Вдалеке стучал дятел, и перешептывалась своими ветвями сама с собой ольха. Благодать!

Идешь по лесу – и не можешь надышаться осенним воздухом, наполненным необыкновенно вкусными лесными запахами. Пьешь его, пьешь... Вдруг из ниоткуда под ногами появляется белый гриб величиной с кулак. Стоп! Надо оглядеться: боровики растут семьями. Внимательнее, внимательнее... Ура! Под сосной бугрится еще несколько белых.

Корзина быстро наполняется дарами леса. Пора возвращаться к машине. Как назло, грибы попадают все чаще и чаще. Приходится снять с себя ветровку и делать импровизированный мешок. Вскоре и он полон. Вот удача!

А на стоянке уже готов импровизированный стол, на котором домашняя еда, чай, кофе. Грибники громко обсуждают тихую охоту, делятся удачей.

Все в сборе. Пора домой. Грузимся со своими корзинами в машину. Уже никто не шумит: устали. Под монотонный звук мотора дремлем. Снится бор, семейки боровиков, пение птиц... Мы все еще на природе.

ЦАРСКАЯ ЯГОДА

Морошка – ягода с уникальным, ни на что не похожим вкусом и запахом. Поэтому не всем приходится по нраву: некоторые не любят ее за излишнюю приторность и водянистость. Другие напротив отмечают ее излишнюю кислотность. И тем не менее в народе морошку называют цар-

ской ягоды за ее целебные свойства. На Русском Севере жители деревень делали из нее квас, морс, кисель. А нынешние умельцы приспособились изготавливать и самогон, очень даже неплохой!

В северных районах, где морошка произрастает в изобилии, ханты прикладывают листья морошки, смазанные рыбьим жиром, к гноящимся ранам. Используют ее как перевязочный и кровоостанавливающий материал. Ягоды применяют и как потогонное средство.

...Идешь краем болота по редкому сосняку, под ногами мох пружинит, дурмящим запахом несет от багульника, на кочках будто кто мелкие белые шарики рассыпал – клюква незрелая. Голубику собирать еще нельзя, черника лишь местами в рот просится. Морошка же налилась солнечным светом, то здесь, то там привлекает сочными желтыми ягодами. Захочешь мимо пройти – не сможешь. Зрелая тут же тает во рту, твердая (у таких один бок красноватый) в дороге не помнется, созреет дома.

Одна незадача: как только нагнешься за ягодой, за ворот сразу лезет туча гнуса. Люди непривычные бросают все и бегут туда, где пространство продувается. Таежники же готовятся к сбору ягоды основательно. Первое – это одежда: энцефалитный костюм, тщательно застегнутый на все пуговицы поверх сапог.

Репеллент лучше всего сделать самому, по особому рецепту: смесь дегтя с подсолнечным маслом наносится на марлю. Затем она прикрепляется к капюшону энцефалитки так, чтобы было прикрыто лицо. Этой же смесью обильно мажешь кисти рук. Тогда ты на пару часов можешь не бояться быть искусанным. Кстати, вынести рядом такого соседа сможет не каждый – вонища несусветная. Потом еще дома от тебя будут шараться дня три, несмотря на то, что помоешься в бане основательно.

– Сейчас такого, как у меня, дегтя нигде нет, – хвастается напарник, – это я его выгнал еще в прошлом веке – натуральный! А сейчас все химия. От нее только морду коробит, а результата – ноль.

Дома ведро с морошкой торжественно ставишь на стол, где ее ждут с нетерпением жена и дети. Каждый накладывает себе в тарелки горку желто-красной ягоды, добавляя кто мед, кто варенье или сливки, – и приступает к священнодействию – поеданию царской ягоды.